

УДК 82:801.6; 82-1/-9

П. Н. Толстогузов

АМПЛИФИКАЦИЯ В РЕЧИ «ИССТУПЛЁННЫХ» ГЕРОЕВ ДОСТОЕВСКОГО

Предметом статьи является речь героев Достоевского, порождённая их «исступлением» (изменённым состоянием сознания).

Ключевые слова: деформированная речь, «исступление», риторическая функция речи, логосная функция речи.

Pavel N. Tolstoguzov

AMPLIFICATION IN THE SPEECH OF DOSTOEVSKY'S «FRENZIED» HEROES

(Sholom-Aleichem Priamursky State University, Birobidzhan)

The subject of the article is Dostoevsky's heroes speech, generated by their «frenzy» (the altered state of consciousness).

Key words: deformed speech, «frenzy», rhetorical function of speech, logos function of speech.

Изменённые состояния сознания, порождаемые стрессом, изменяют речь: это очевидно. Менее очевидно то, что именно меняется в речи в этих случаях. Ещё менее очевидно то, как мы представляем себе некую «норму» таких изменений. Художественная литература является одним из предельно выразительных свидетелей подобных представлений. Вот классический пример, неоднократно привлекавший внимание исследователей: речевое поведение Алексея Александровича Каренина в момент нелёгкого объяснения с женой. Обманутый муж, на какой-то момент потерявший себя во время разговора, не может правильно выговорить слово «перестрадал»: «пеле... пеле... пелестрадал» [5, с. 400]. Научно говоря, перед нами случай литеральной парафазии — замены звука или буквы в слове на другие. Но эта констатация мало что даёт: важнее понять установку автора в этом эпизоде. Не намеренная смешная оговорка на мгновение дезавуирует характерный облик «внешнего человека» в глазах героини: «Ей стало смешно и тотчас стыдно за то, что ей могло быть что-нибудь смешно в такую минуту. И в первый раз она на мгновение почувствовала за него, перенеслась в него, и ей жалко стало его» [там же].

Исследователь (Вадим Руднев) описывает этот эпизод так: «Деперсонализация у Толстого противопоставлена реперсонализации, которая

Толстогузов Павел Николаевич — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры литературы и журналистики (Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема, г. Биробиджан).
e-mail: pnt59@mail.ru.

© Толстогузов П. Н., 2012

осуществляется при помощи механизма деформированного слова. Так, в „Анне Карениной“ деперсонализированный Алексей Александрович Каренин, этот человек-автомат, холодный и бесчувственный, в минуту душевного потепления и оживления оговаривается. Он произносит слово „перестрадал“ как „пелестрадал“. Отсюда „поэтика деформированного слова“ – он превращается из автомата в человека, личность, *реперсонализируется* (курсив автора – П. Т.)» [3, с. 60].

Итак, деформированная стрессом речь начинает свидетельствовать о той человеческой подоплёке, которая обычно речью многообразно маскируется. Кстати, у Толстого такие случаи хоть и очень выразительны, но, скорее, редкость, поскольку в его мире господствует психологическая норма. Гораздо чаще речевые аномалии случаются в мире Достоевского, в котором изменённые («парадоксальные», если пользоваться словарём самого автора) состояния сознания являются основной художественной реальностью.

Один из таких случаев мы бы описали как «исступлённую речь». Слово «исступление» занимает совершенно особенное место в мире Достоевского: оно характеризует не только необычное состояние героя, но даже некий человеческий тип. Такой тип может определяться как «исступлённый ипохондрик» («Преступление и наказание»), его выражает целая категория «исступлённых» героев (например, Дмитрий Карамазов). Героем могут владеть «исступлённая мечта» («Белые ночи»), «умоисступлённая мечта» («Бесы»), «исступление радости» и «исступление от тоски/ужаса/горя» («Неточка Незванова»), «исступление восторга» («Подросток») и такие особенные состояния, как «исступленная стыдливость и целомудренность» («Братья Карамазовы»), «исступление стыда» («Двойник») и «исступлённое раскаяние» («Дядюшкин сон»). В этом мире известны разнообразные градации исступления: «исступлённое помешательство» («Неточка Незванова»), «ужасные исступления» («Преступление и наказание»), «совершенное исступление» («Подросток»), «полное исступление» (там же), «бесспорное умоисступление» («Братья Карамазовы»), «болезненное исступление» («Неточка Незванова»), «болезненное умоисступление» («Братья Карамазовы»), «романтическое исступление» (там же), человек может находиться «как бы в исступлении» (во многих текстах) и т. п.

Герой, сам находящийся в исступлении, при этом может усматривать чужое исступление как отрицательную характеристику: «Вздор! – крикнул Иван Федорович почти в исступлении. – Дмитрий не пойдет грабить деньги, да еще убивать при этом отца. Он мог вчера убить его за Грушеньку, как исступленный злобный дурак, но грабить не пойдет!» («Братья Карамазовы» [2: т. 14, с. 248]). Это состояние может получить оправдание как некий высший дар: «Исступления же сего не стыдись, дорожи им, ибо есть дар Божий, великий, да и не многим дается, а избранным» («Братья Карамазовы»: «Из бесед и поучений старца Зосимы» [2: т. 14, с. 292]). Иногда нагромождение «исступлений» в эпизодах знаменитых

скандалов порождает (отчасти намеренно со стороны автора, как речевая характеристика героя) комический эффект: «Просто в исступлении. То есть не Софья Семеновна в исступлении, а Катерина Ивановна; а впрочем, и Софья Семеновна в исступлении. А Катерина Ивановна совсем в исступлении» («Преступление и наказание», речевая партия Лебезятникова [2: т. 6, с. 328]). Само творчество Достоевского определяется через это понятие: как «исступлённый интерес к человеку» (Н. А. Бердяев, «Откровение о человеке в творчестве Достоевского» [1, с. 216]).

Нередко речь испуганных героев Достоевского не только не сбивается, как можно было бы ждать, а, напротив, становится подчёркнуто риторичной: «Фома! — вскричал дядя, в испуганном восторге, — ты виновник нашего счастья! Чем могу я воздать тебе?» («Село Степанчиково и его обитатели» [2: т. 3, с. 152]). Такая взвинченная риторика нашла предельное воплощение в трагической речи Мармеладова в «Преступлении и наказании». Ср.: «Жалеть! зачем меня жалеть! — вдруг возопил Мармеладов, вставая с протянутой вперед рукой, в решительном вдохновении, как будто только и ждал этих слов. — Зачем жалеть, говоришь ты? Да! меня жалеть не за что! Меня распять надо, распять на кресте, а не жалеть! Но распни, судия, распни и, распяв, пожалей его! И тогда я сам к тебе пойду на пропятие, ибо не веселья жажду, а скорби и слез!..» [2: т. 6, с. 20–21].

В такой речи есть один элемент, который, с одной стороны, подчёркивает её взвинченную риторичность, и, с другой стороны, способен выразить стрессовое состояние и присущий ему некий языковой ступор. Это амплификация, усиливающий речь повтор, который входит и в число риторических приёмов, и в число речевых сбоек (см.: [4, с. 140]). В приведённом выше примере из речи выпившего «маленького человека» хорошо ощущается именно риторическая функция повтора (неоднократные «жалеть» и «распять»). Если это и речевой сбой, то он характеризуется своеобразно: резким переводом речи в более высокий стилиевой регистр. Повествователь даже отмечает эту черту как неизменно присущую «кабацким разговорам»: «Очевидно, Мармеладов был здесь давно известен. Да и склонность к витиеватой речи приобрел, вероятно, вследствие привычки к частым кабацким разговорам с различными незнакомцами» [2: т. 6, с. 13].

Вот ещё пример из того же романа: «А, так ты лжешь! Я вижу... ты лгал... ты всё лгал!.. Я тебе не верю! Не верю! Не верю! — кричала Дунечка в настоящем исступлении, совершенно теряя голову» [2: т. 6, с. 379]. Здесь речь испуганной героини далека от риторики: повторы выражают сбиту речевую настройку, затруднённое владение речью. Есть случаи, которые можно рассмотреть как смешанные. Ср.: «Которую все проливают (кровь — П. Т.), — подхватил он чуть не в исступлении, — которая льется и всегда лилась на свете, как водопад, которую льют, как шампанское, и за которую венчают в Капитолии и называют потом благодетелем человечества» («Преступление и наказание» [2: т. 6, с. 400]). Это как бы захлёбывающаяся повторами речь. «Остановите, остановите!

– зашептал мне генерал в исступлении» («Игрок» [2: т. 5, с. 275]). «Нате, нате, нате, передайте сейчас ему эти деньги!» («Подросток» [2: т. 13, с. 124]). «Вот ваши деньги-с! Вот ваши деньги-с! Вот ваши деньги-с! Вот ваши деньги-с!» (слова «исступлённого» штабс-капитана Снегирева в «Братьях Карамазовых» [2: т. 14, с. 193]).

Исступление у Достоевского нередко является тем градусом поведения, который предшествует полной потере контроля, сравнимой с тяжёлым опьянением: «В ту ночь я ненавидел ее, как исступленный, а потом как разбушевавшийся пьяный. Я сказал уже, что это был хаос чувств и ощущений, в котором я сам ничего разобрать не мог. Но, все равно, их надо было высказать, потому что хоть часть этих чувств да была же наверно» (там же [2: т. 13, с. 421]). Но в этом «хаосе» есть свой логос: это, по мысли Достоевского, совлечение последних покровов с подлинной речи, свидетельствующей *de profundis*. Ср.: «простите исступленному подростку его неуклюжие слова! Да и в словах ли, в выражениях ли теперь дело? Не выше ли вы всех выражений?» (там же [2: т. 13, с. 208]). В этой ситуации нередко просматривается странное соединение исступления и сознательной речевой тактики. Так, Шатов в «Бесах», чьё «исступление» во время разговора со Ставрогиным «доходило до бреда», говорит известные слова: «Мы два существа и сошлись в беспредельности... в последний раз в мире. Оставьте ваш тон и возьмите человеческий! Заговорите хоть раз в жизни голосом человеческим» («Бесы» [2: т. 10, с. 195]).

Итак, Достоевский фиксирует внимание не столько на ошибочности «исступлённой» речи, сколько на её особой экспрессивности: вместе с прочими средствами она выражает «экстатически-огненную атмосферу» (Бердяев [1, с. 217]) его художественного пространства и сердцевину его антропологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бердяев Н. А. Откровение о человеке в творчестве Достоевского // О Достоевском: творчество Достоевского в русской мысли 1881–1931 годов. Сб. статей. М.: Книга, 1990. С. 215–233.
2. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в 30 тт. Художественные произведения в 17 т. Л.: Наука, 1972–1976.
3. Руднев В. Поэтика деперсонализации (Л. Н. Толстой и В. Б. Шкловский) // Логос. 1999. № 11–12 (21). С. 53–63.
4. Сморгонская Е. В. Психолингвистическая дифференциация и классификация речевых сбоев // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 3. С. 140–142.
5. Толстой Л. Н. Собрание сочинений в 22 т. Т. 8. М.: Художественная литература, 1981. 495 с.

* * *